

ВАДИМ МЕСЯЦ

500 сонетов
к Леруа
Мерлен

Модная штучка

Вадим Месяц

500 сонетов к Леруа Мерлен

НП «Центр современной литературы»

2019

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Месяц В. Г.

500 сонетов к Леруа Мерлен / В. Г. Месяц — НП «Центр современной литературы», 2019 — (Модная штучка)

ISBN 978-5-91627-212-3

«500 сонетов к Леруа Мерлен» – большой фрагмент бесконечного текста, работающего на механизме «венка сонетов». Прием позволяет автору включить в незамысловатый пятистопный ямб и постмодернистский стеб, и лирику, и центонные перепевы, и философию, и публицистику, и даже метафизические откровения. Стихи двигаются как гоночный автомобиль, постоянно меняя диспозицию на крутых поворотах. В названии – отсылка к «20 сонетам к Марии Стюарт» И. Бродского, который Вадима Месяца когда-то «заметил и в гроб сходя благословил». Увлекательная книга, снабженная экстравагантными иллюстрациями автора – первая работа московского издательского проекта «QUILP-PRESS» в серии «Модная штучка».

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-91627-212-3

© Месяц В. Г., 2019
© НП «Центр современной литературы», 2019

Содержание

От автора	7
«В канавах кровь...»	8
«Заначку восхитительных окурков...»	10
«На все вопросы найдены ответы...»	11
«Жизнь хороша и ею правит ложь...»	12
«Любая рыба хочет стать селедкой...»	13
«Прекрасная как древний монумент...»	14
«Ты голая стояла на крыльце...»	15
«Лежит голографическая мгла...»	16
«Ты там была в предчувствии nirваны...»	17
«Мальчишки что с дождями заодно...»	18
«Когда в мой дом торопится чума...»	19
«А в жизни не хватает им судьбы...»	20
«Ну а ее никто не полюбил...»	21
«Как принимать любимую всерьез...»	23
«И в магазинах нету папирос...»	24
«Сидеть всю жизнь тоскуя на мели...»	25
«Умчаться прямо к звездам наконец...»	26
«Увидели следы босой ступни...»	27
«Иной цивилизации зачаток...»	28
«Закрой меня скорее на замок...»	30
«О забодай меня единорог...»	31
«Тебя придут спасать лесные братья...»	32
«Про всадника что жил без головы...»	33
«Шептала непристойные слова...»	34
«Мы словно рыбы устремимся в сети...»	35
«Сажать кусты на свежие могилы...»	37
«Как барышни с поджатыми губами...»	38
«Ей грустно в мокром рокоте прибоя...»	39
«Блестает перламутр на черной глине...»	40
«Стакан паленой харьковской водяры...»	41
«Не понимая кто я с кем и где...»	42
«Изменчивы как майская погода...»	43
«Весна придет в невысказанных трудах...»	44
«Она теперь больная на века...»	45
«Ты школьницам раздай свои наряды...»	46
«Ты подвернешь на лестнице каблук...»	47
«Бескрайняя как жизнь река тобол...»	48
«Там ты и я в рубахах до земли...»	49
«Мы больше не жалели ни о чем...»	50
«Ты верила в цыганские секреты...»	51
«Ты вспоминала флаги на снегу...»	52
«Здесь нет царя отечества и веры...»	53
«Нам будет мало просто умереть...»	54
«Там в пустоте летят метеориты...»	56
«Как первого на свете поцелуя...»	57

«Летят салюты прямо в облака...»	58
«Рыдая в свой жилет исподтишка...»	59
«Он курит «шипку» долгими часами...»	60
«Я свято верю знакам водяным...»	61
«Как ярко светит розочка в петлице...»	62
«Как у соленых в бочке огурцов...»	63
«Нарисовал художник васнецов...»	64
«Становится наглее и наглей...»	65
«И на душе так сладко и приятно...»	66
«Я вечной жизни истинный сосуд...»	67
«Где тот народ что моцарта казнил...»	68
«Тебя научит мама-колыма...»	69
«Но он один огромнее над вами...»	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Вадим Месяц

500 сонетов к Леруа Мерлен

© В. Месяц, текст, иллюстрации, 2019

© Квилл Пресс, издание, 2019

© Центр современной литературы, 2019

От автора

Форма этих стихов имитирует бесконечный венок сонетов, в котором Леруа Мерлен становится прекрасной дамой наравне с Мерлин Монро, Матой Хари, Мариной

Влади и Офрой Хазой. Сюжет произведения традиционен. Влюбленные бегут лицемерия этого мира, покидают планету «мутантов и придурков» на космическом корабле, для чего главной героине необходимо похитить секретные чертежи звездолета.

«Давно, усталый раб, задумал я побег...»

Эскапизм героев жизнерадостен. Они – не беглецы и тем более не беженцы. Их все достало – и они не против свалить, выбив напоследок несколько окон в учреждениях и домах. Они циничны, бесстыдны, дерзки.

Богоискательство сопряжено с богоборчеством, грядущий апокалипсис – с новым жутким развлечением, высокая поэзия – с глумлением над ней, а выходом из онтологического тупика объявляется эротизм.

Стихи к Леруа Мерлен схожи с «Евгением Онегиным», формально вывернутым наизнанку, но за бесконечным лирическим отступлением и салонным пустословием проступает нечто серьезное.

До этого я не рисовал 25 лет. Драйв стихосложения вынес меня в изобразительную плоскость. За это я хочу поблагодарить художников, вдохновивших меня на эту шалость. В особенности иллюстратора высокой моды Рене Грюо, рисовальщика комиксов Эшли Вуда, а также Модильяни и Боттичелли.

Сверхзадачей этой работы было доведение опыта версификации до абсурда, либо – для того чтобы его девальвировать, либо – превознести. Писать стихи и рисовать к ним картинки – легко и радостно.

Если вы испытываете муки творчества, совести и прочие психологические предрассудки – бросьте это занятие.

«В канавах кровь...»

В канавах кровь
в траве блестят ножи
в крахмальном платье бледная невеста
листает звездолета чертежи
ей не уйти от скорого ареста
не улететь на желтую луну
на красный марс похожий на ангину
останови последнюю войну
изобрети волшебную машину
которая нас в небо унесет
подальше от мутантов и придурков
отыщет в глубине пчелиных сот
значку восхитительных окурков.

«Заначку восхитительных окурков...»

Заначку восхитительных окурков
с собою космонавт берет в полет
под нос себе мелодию промуркав
он под язык кладет студень лед
болоньевая шуба на плече
скрипят штаны из полипропилена
он прочитал эвклида при свече
таким вообще не ведома измена
ему тропу рисует звездный луч
что властно открывает дверь ракеты
мал клоп но исключительно вонюч
На все вопросы найдены ответы.

«На все вопросы найдены ответы...»

На все вопросы найдены ответы
но некоторые нам не по зубам
поскольку книги фильмы и газеты
сотворены на счастье жлобам
искусство было создано для них
а не для нас свободных и нахальных
живущих в вычислениях наскальных
кто есть кому невеста и жених
пускай в нас правды нету ни грош
но сам процесс познания заразен
война прекрасна но и мир прекрасен
жизнь хороша но ею правит ложь.

«Жизнь хороша и ею правит ложь...»

Жизнь хороша и ею правит ложь
судья судим но бесконечно судит
живых и тех кого уже не будет
и он на маразматика похож
судьба перемещение мерзких рож
в подлунном мире все решают кадры
когда один уходит в ихтиандры
другой в открытом космосе хорош
играй же громче русская гармонь
гремите чаши с брагою и водкой
вода часть моря все огни огонь
любая рыба хочет стать селедкой.

«Любая рыба хочет стать селедкой...»

Любая рыба хочет стать селедкой
а женщина меняя свой наряд
становится шпионкой и кокоткой
что прячет в перстне смертоносный яд
она способна десять дней подряд
тереть комоды мягкой бархоткой
переболеть проказой и чесоткой
очаровать уйгуров и бурят
но прибежать ко мне в ночном халате
похитив сверх-секретный документ
такая необъятная в объёме
прекрасная как древний монумент.

«Прекрасная как древний монумент...»

Прекрасная как древний монумент
ты засверкаешь вдруг и рухнешь на пол
о кто тебя в дороге исцарапал
кустарник кошка или пьяный мент
кто поломал горбатые носы
игривым нимфам греции и рима
пусть длится вечно эта пантомима
а тяжесть слов ложится на весы
я грязью смажу раны на лице
я пластырь наложу на шрамы тела
чтоб ты цвела бахвалилась и пела
и голая стояла на крыльце.

«Ты голая стояла на крыльце...»

Ты голая стояла на крыльце
тебя ласкали взглядом почтальоны
и пьяных добровольцев батальоны
смыкались в экстатическом кольце
в зловещем скрипе туфель и сапог
ты нежно трепетала от восторга
пока на горизонте свет с востока
не высветил распутье трех дорог
и ты по ним стремительно пошла
единственной судьбы не выбирая
туда где у ворот земного рая
лежит голографическая мгла.

«Лежит голографическая мгла...»

Лежит голографическая мгла
подобно кучам снега у порога
а нам то что гагарин видел бога
вишневый сад давно сгорел дотла
мы ликовали у жемчужных врат
мы возжелали приобщится к тайне
и первый был восторженней чем крайний
но и последний был ужасно рад
нас строили рядами по свистку
и мы спешили вывернуть карманы
и я там был чтоб разогнать тоску
и ты была в предчувствии нирваны.

«Ты там была в предчувствии нирваны...»

Ты там была в предчувствии нирваны
и я там был случайно проходя
дома чужие города и страны
что утонули в мареве дождя
и в гондурасе тоже шли дожди
и в амстердаме и бахчисарае
простор застыл в томительном раздрае
словно рука у милой на груди
и дождь стучался в каждое окно
и открывал секретные задвижки
проворно как дворовые мальчишки
которые с дождями заодно.

«Мальчишки что с дождями заодно...»

Мальчишки что с дождями заодно
уходят от полиции дворами
у них в глазах становится темно
когда они петляют за горами
и прячутся в пещерах ледяных
от холода трясутся и простуды
у них на редкость слабые сосуды
и нет у них сосудов запасных
вот только сила заднего ума
безмерно укрепляется с годами
я не горжусь сожженными мостами
когда в мой дом торопится чума.

«Когда в мой дом торопится чума...»

Когда в мой дом торопится чума
и в мерзкой подворотне красит губы
собравшиеся в хате жизнелюбы
уже опустошают закрома
кладовки и сырые погреба
раскрыты словно древние могилы
к ним заросла народная тропа
мои друзья печальны и унылы
горилку пьют и кушают грибы
они едят но им постыдно мало
глюкозы протеина и крахмала
а в жизни не хватает им судьбы.

«А в жизни не хватает им судьбы...»

А в жизни не хватает им судьбы
пусть снова в моде старые фасоны
крепчают звуки бронзовой трубы
рыдают клавишины и клаксоны
в столице догорают фонари
и шелестят кримпленовые юбки
а под водой пускают пузыри
никем не совершенные поступки
фундамент башни каменной прогнил
а из окна ее спускает косы
принцесса что любила абрикосы
ну а ее никто не полюбил.

«Ну а ее никто не полюбил...»

Ну а ее никто не полюбил
и блудный сын вернулся в царский замок
она всегда хотела выйти замуж
на счастье не хватало больше сил
она всю жизнь мечтала и ждала
высокого мужчину на пороге
и подводила мрачные итоги
делясь со мной остатками тепла
луна ярка как медный купорос
разлитый по отрожинам синая
никто не знал и я уже не знаю
как принимать любимую всерьез.

«Как принимать любимую всерьез...»

Как принимать любимую всерьез
когда она прониклась бабьей долей
сидит на репе и на валидоле
и бредит миллионом алых роз
я не достоин этих сладких слез
поскольку ипохондрией не болен
и тихий звон московских колоколен
мне не внушает сердобольных грез
мне ближе уязвленный малоросс
шахтер бредущий из подземных штолен
узнать что он не нужен и уволен
и в магазинах нету папирос.

«И в магазинах нету папирос...»

И в магазинах нету папирос
в дыму летает старая газета
и носит неразгаданный вопрос
покуда не ворвется в дверь клозета
и мрачный старец развернет ее
когда она послушно ляжет в руки
он удивлено скажет «ё-мое»
добавив для словца «какие суки»
какие суки эти москали
они намерены в космос улетели
а нам считать до пенсии недели
сидеть всю жизнь тоскуя на мели.

«Сидеть всю жизнь тоскуя на мели...»

Сидеть всю жизнь тоскуя на мели
потом пойти и зарубить старуху
тяжелым топором вломить по уху
и бросить труп в космической пыли
она мне денег подарить могла
могла быть щедрой как императрица
но не желала с нами поделиться
и в воскресенье утром умерла
возьму из сейфа золота ларец
фамильный перстень импортной отделки
чтоб через миг в летающей тарелке
умчаться прямо к звездам наконец.

«Умчаться прямо к звездам наконец...»

Умчаться прямо к звездам наконец
где внемлет безвоздушное пространство
внимая стук пламенных сердец
встречая блеском наше самозванство
там снег летит из сопел у комет
пульсируют шары чудных галактик
и если ты ботаник а не практик
тебе в больших делах удачи нет
мы ждали этот миг считая дни
словно глотка прохладного озона
и на луне глазами робинзона
увидели следы босой ступни.

«Увидели следы босой ступни...»

Увидели следы босой ступни
сорок второго взрослого размера
вокруг в глухой степи кипела сера
и возвышались каменные пни
я не дышал дышала только ты
за нас двоих влюбленных астронавтов
и в этом самом грустном из ландшафтов
нам не хватало русской красоты
лишь в небе синеокая звезда
уныло освещала отпечаток
больного мозга трудная еда
иной цивилизации зачаток.

«Иной цивилизации зачаток...»

Иной цивилизации зачаток
в меня вселился вирус неземной
я нынче прикоснулся без перчаток
к субстанции кишечнополостной
она была слегка желеобразна
она была медуза и полип
что жизнь моя она была напрасна
мне холодно мне страшно я погиб
спаси меня от приступа хореи
проткни во рту дымящийся комок
на цепь сажай дружок меня скорее
закрой меня скорее на замок.

«Закрой меня скорее на замок...»

Закрой меня скорее на замок
поскольку я для общества опасен
я от любви возвышенной размок
я навсегда устал от сладких басен
летит в эфир сиреневый дымок
горит огонь томителен и ясен
тебе признаться я ни в чем не мог
поскольку я с тобою не согласен
мой царь великий мерзостный магог
распятый между мебельных балясин
мой приговор увы единогласен
о забодай меня единорог.

«О забодай меня единорог...»

О забодай меня единорог
о загрызи прибудная волчица
я уезжаю в город таганрог
я буду там работать и учиться
поскольку бедность это не порок
то я богатства малая частица
я вспоминаю злобную родню
ее я склонен заключить в объятья
тебя я мама больше не виню
я помню твое бежевое платье
и если водки нет в моем меню
меня придут спасти лесные братья.

«Тебя придут спасать лесные братья...»

Тебя придут спасать лесные братья
и разорят намоленный уют
озвучив жемонтийские проклятья
они избу-читальню подожгут
нас победит ползучая измена
проклявшая заветы ильича
и бог бы с ним но вот какого хрена
майн рида вы спалили сторяча
колхоз чадит церковными свечами
горелым мясом пахнет из травы
я одинок мне не читать ночами
про всадника что жил без головы.

«Про всадника что жил без головы...»

Про всадника что жил без головы
про летчика с железными ногами
так хорошо читать прижавшись к маме
и слушать шум разбуженной невы
там лед идет подошвами скрипя
там льдина забирается на льдину
я никогда твой город не покину
я не смогу остаться без тебя
но наша жизнь безбожна и трезва
как лед что громыкает на просторе
и ты рыдая в общем коридоре
шептала непристойные слова.

«Шептала непристойные слова...»

Шептала непристойные слова
хотела счастья а не откровенья
и распадалась логика на звенья
и правда жизни сделалась крива
и люди шли насытившись враньем
отлучены от хлеба и от зрелищ
я не поверю если ты согласишься
но мы навек останемся вдвоем
нам ни к чему теперь гонять понты
стоять в углу застенчиво как дети
мы будем рвать огромные цветы
и словно рыбы устремимся в сети.

«Мы словно рыбы устремимся в сети...»

Мы словно рыбы устремимся в сети
мы выпьем воду из великих рек
взломаем склады баров и аптек
пивных ларьков безвыходные клетки
прости меня что денег не скопил
на мотороллер с розовым фургоном
я для тебя останусь фуфлогоном
скрипящим как подержанный винил
тебя я крепко за руку возьму
сожму ее с любовью что есть силы
и мы пойдем в чахоточном дыму
сажать кусты на свежие могилы.

«Сажать кусты на свежие могилы...»

Сажать кусты на свежие могилы
лить щедро воду в ведра через край
мы не спасли от лютого атиллы
ни град чудесный ни небесный рай
и счастье расколосось как кувшин
оставив лужи в радужных разводах
и тени скособоченных мужчин
воруют сухари на хлеб-заводах
мы были лицемерные рабы
с тяжелыми на шее коробами
и по ночам ходили по грибы
как барышни с поджатыми губами.

«Как барышни с поджатыми губами...»

Как барышни с поджатыми губами
морские волны катятся на брег
на них глядит несчастный человек
источенный никчемными мольбами
он слабым стал от тягот и забот
и бесконечной внутренней работы
его душа выходит через рот
во время неожиданной зевоты
но человек не знает что почем
он занят как и прежде сам собою
и смерть маячит за его плечом
ей грустно в мокром рокоте прибоя.

«Ей грустно в мокром рокоте прибоя...»

Ей грустно в мокром рокоте прибоя
она сейчас немного влюблена
как в море сухопутная страна
как мрак кромешный в небо голубое
ей трудно уберечься от греха
не совершить ужасного поступка
вода бурлит как мутная уха
на корабле кричит радиорубка
и этот крик навязчив как призыв
бездушного кликуши муссолини
щекочет ноги утренний прилив
блистает перламутр на черной глине.

«Блится перламутр на черной глине...»

Блится перламутр на черной глине
горит огнями битое стекло
тебе приятель крупно повезло
что жизнь оборвалась на середине
теперь тебе не видеть черт возьми
своей супруги в комнате с клопами
здесь наши сестры сделались блядьми
а братья стали полными жлобами
нам не дано узнать кем стал бы ты
уйдя от неизбежной этой кары
когда б я не вложил в твои персты
стакан паленой харьковской водяры.

«Стакан паленой харьковской водяры...»

Стакан паленой харьковской водяры
надежней чем дуэльный пистолет
так умирают бравые гусары
поднимут тост и вот гусаров нет
лишь грузные тела лежат вповалку
у столика с дымящимся жарким
вам их не жаль а мне ужасно жалко
я сам бывал безудержным таким
я тоже был поклонник суррогата
не по любви всего лишь по нужде
и брел слепым по дворикам арбата
не понимая кто я с кем и где.

«Не понимая кто я с кем и где...»

Не понимая кто я с кем и где
я прожил жизнь и ею был доволен
хоть не гулял как цапля по воде
и не взлетал вороной с колоколен
меня все знали но я их не знал
но раздавал приветствия и деньги
и вот взошел на странный пьедестал
перебирая скользкие ступеньки
к нему ведет народная тропа
но на тропе годами нет народа
и жизнь моя и сложная судьба
изменчивы как майская погода.

«Изменчивы как майская погода...»

Изменчивы как майская погода
глаза людей что едут в поездах
где запах лука глушит запах пота
и утопает в свадебных цветах
сегодня день особенный суббота
гул ветра нарастает в проводах
в предчувствии плохого анекдота
и остановок в новых городах
в руках невесты красная банкнота
у жениха тревога на устах
он знает что вчерашняя свобода
придет теперь в немыслимых трудах.

ИЗМЕНЧИВЫ КАК МАЙСКАЯ ПОГОДА,
ГЛАЗА ЛЮДЕЙ, ЧТО
ЕДУТ В ПОЕЗДАХ

«Весна придет в немыслимых трудах...»

Весна придет в немыслимых трудах
в борьбе стихий на атмосферном фронте
дрожит озябший лес на горизонте
и не цветет черемуха в садах
безрадостна картина небосвода
и лишь на белом платье у жены
три пятнышка от синего компота
по-прежнему таинственно темны
я секса без любви не принимаю
пускай пройдут дожди сойдут снега
весна молчит она глухонемая
она теперь больная на века.

«Она теперь больная на века...»

Она теперь больная на века
хотя у профурсетки век недолог
в квартире горький запах табака
и золотистой пыли книжных полок
и сортире плачет леруа мерлен
марине владии вторит мата хари
их арии на маленькой гитаре
наяривает пьяный гуинплен
я никому на свете не нужна
я больше не играю роль наяды
допей запас церковного вина
и школьницам раздай свои наряды.

«Ты школьницам раздай свои наряды...»

Ты школьницам раздай свои наряды
пускай танцуют джигу и канкан
создайте танцевальные отряды
совместно с айседорою дункан
вбирайте юным телом плоть и прыть
любимой вами постаревшей примы
по совести нам некого любить
за исключением редких кто любимы
а я надену дедушкин сюртук
и закурю прадедушкину трубку
и в довершение к дерзкому поступку
я подверну на лестнице каблук.

«Ты подвернешь на лестнице каблук...»

Ты подвернешь на лестнице каблук
и скрип похожий на предсмертный выдох
заставит позабыть о всех обидах
и старый зонтик выпадет из рук
и дверь квартиры где прожил свой век
покажется внезапно незнакомой
лишь где-то голограммой законной
наискосок пойдет знакомый снег
ты медленно опустишься на пол
и станешь нелетающей птицей
и ты умрешь когда тебе приснится
бескрайняя как жизнь река тобол.

«Бескрайняя как жизнь река тобол...»

Бескрайняя как жизнь река тобол
вторгается во тьме на правый берег
сминая сенокосные луга
как можно верить в этот произвол
никто в него по-прежнему не верит
и тайно расширяет берега
вода вернется в русло на заре
прихватит свой оброк и удалится
останется заросшая курья
и в деревянной школе на горе
в неосвященных окнах вспыхнут лица
там ты и я.

«Там ты и я в рубахах до земли...»

Там ты и я в рубахах до земли
из дома вышли и спустились в поле
и добрались до самого конца
а дальше по дороге не пошли
и встали у оврага на приколе
перекрестились и сошли с лица
и день прошел и вскоре жизнь прошла
и наступила ночь чернее сажи
и не послать на помощь за врачом
два голубя расправили крыла
но мы не сожалели о пропаже
мы больше не жалели ни о чем.

«Мы больше не жалели ни о чем...»

Мы больше не жалели ни о чем
увидев короб с крупной черникой
непостижимой злобной многоликой
сверкающей под солнечным лучом
она была как черная дыра
как детский плач о бесконечном лете
бездумна и забывчива как дети
стоящие у смертного одра
она бросалась кошкою в глаза
когда у нищих клянчила монеты
хотя была как нищенка боса
и верила в цыганские секреты.

«Ты верила в цыганские секреты...»

Ты верила в цыганские секреты
спала под животами лошадей
мошенник полюбил тебя отпетый
забрал в париж подальше от людей
он будто арлекин играл глазами
когда тасуя карты за столом
твоими восхищался волосами
и путал невзначай добро со злом
но все прошло тебя он продал другу
а тот отдал заклятому врагу
а ты в ответ не верила в разлуку
и вспоминала флаги на снегу.

«Ты вспоминала флаги на снегу...»

Ты вспоминала флаги на снегу
и ровный гул туземных барабанов
в болезненном мерцании туманов
к земле прижавших лютую пургу
в молитве застывала кровь людей
дымилась туши жертвенных баранов
и души вдохновенных наркоманов
переживали тысячи смертей
монах молчал а снежный человек
рыдал белугой у родной пещеры
вокруг лежат булыжники и снег
и нет царя отечества и веры.

«Здесь нет царя отечества и веры...»

Здесь нет царя отечества и веры
а только звезды в небе до утра
горят как блески в шерсти у пантеры
что греется у нашего костра
убийцы с осторожной повадкой
не поднимают просветленных глаз
на твой кинжал с наборной рукояткой
и безмятежно смотрят мимо нас
но власти нет ни в посохе ни в жезле
молитвой небеса не отпереть
они над нами чтоб они исчезли
нам будет мало просто умереть.

«Нам будет мало просто умереть...»

Нам будет мало просто умереть
а подвиг жизни сказочно ничтожен
нас разлюбили выход невозможен
и как теперь в лицо тебе смотреть
зачем дырявить глупые глаза
когда итог приходит сам собою
ты так хотел попасть на небеса
чтоб жить там в доме с красной трубою
журчат ручьи вокруг лежит говно
мы одиноки наши карты биты
а сверху солнца желтое пятно
и в пустоте летят метеориты.

«Там в пустоте летят метеориты...»

Там в пустоте летят метеориты
мгновения похожи на века
оплачены последние кредиты
а новые не выданы пока
бездымный порох выгорел дотла
и превратился в неприятный воздух
от вдребезги разбитого стекла
рука ромео нынче вся в коростах
джульетта страстно верит в чудеса
и времена прошедшие минуя
мы ждем изобретенья колеса
как первого на свете поцелуя.

«Как первого на свете поцелуя...»

Как первого на свете поцелуя
и школьного последнего звонка
мы ждали неоправданно рискуя
пришествия бессмертного полка
что сформирован в нашем юном сердце
героями давно ушедших лет
мы с ним теперь навек единоверцы
и по тверской везем стволы ракет
поскольку цель прогресса не забыта
война миров по-прежнему близка
и с треском боевого динамита
летят салюты прямо в облака.

«Летят салюты прямо в облака...»

Летят салюты прямо в облака
чтоб стало больше звезд на черном небе
все решено народом брошен жребий
мы выбрали дорогу на века
предателя прохвоста дурака
оставь в покое на воде и хлебе
пусть роется в китайском ширпотребе
он не герой кишка его тонка
а самому дурному дай пинка
пусть огребет по собственной потребе
в аэропорт умчит на желтом кэбе
рыдая в свой жилет исподтишка.

«Рыдая в свой жилет исподтишка...»

Рыдая в свой жилет исподтишка
мы умираем как больные звери
и ощущаем в тусклой атмосфере
поспешное дыхание сквозняка;
весенний ветер хлопает дверьми
разбив сервиз из тонкого фарфора
что мы хранили будучи детьми
и сохранили избежав позора
в ушах крепчает соловьиный свист
природа смотрит умными глазами
как у подъезда ждет тебя таксист
и курит «шипку» долгими часами.

«Он курит «шипку» долгими часами...»

Он курит «шипку» долгими часами
глядит в окно с разводами дождя
где в сотый раз перед его глазами
встает портрет забытого вождя
его лицо в потеках акварели
как будто плачет и сходя на нет
уходит за разлапистые ели
встречая в хвое огненный рассвет
оно искрится возгораясь вспышкой
когда прощаясь с близким и родным
ты видишь свет над лагерною вышкой
и веришь тусклым знакам водяным.

«Я свято верю знакам водяным...»

Я свято верю знакам водяным
я предан симпатическим чернилам
я прислоняюсь к скважинам дверным
чтоб видеть тело что мне было милым
его мне почему-то не хватает
хотя мила любая божья дочь
но хлопнет дверь и сладкий миг растает
как избежать иллюзий и потерь
как не сойти от похоти с ума
и жить не на кордоне а в столице
вокруг стоит египетская тьма
но ярко светит розочка в петлице.

«Как ярко светит розочка в петлице...»

Как ярко светит розочка в петлице
в ней множество восторгов и огней
а кабачки возвращенные в теплице
похожи на упитанных свиней
они кряхтя толкаются боками
барахтаясь в питательном дерьме
попробуйте не пользуясь руками
обнять свою любимую во тьме
без рук нельзя вlepить пяток пощечин
и собирать цветы в конце концов
путь пройден срок хранения просрочен
как у соленых в бочке огурцов.

«Как у соленых в бочке огурцов...»

Как у соленых в бочке огурцов
у лягушат пупыристая кожа
не знаю как мне сделаться моложе
как избежать царапин и рубцов
объектом для насмешек подлецов
мне суждено служить на брачном ложе
шептать смущенно милому 'о боже'
иван-царевич позови гонцов
пусть жемчуга приносят и песцов
что хороши к моей болотной роже
чтобы меня загадочную тоже
нарисовал художник васнецов.

«Нарисовал художник васнецов...»

Нарисовал художник васнецов
трех рыцарей стоящих на распутье
он их глаза наполнил мутной ртутью
чтоб им придать серьезность мудрецов
и всадники задумались в седле
жеманно будто мертвые царевны
для них герои шипки или плевны
поставили три рюмки на столе
дожди смывают кровь с густых полей
и рожь как кудри девы колосится
и в желтых нивах желтая лисица
становится наглее и наглей.

«Становится наглее и наглей...»

Становится наглее и наглей
девица выходящая из храма
супружница и будущая мама
в ее глазах блистает липкий клей
и грудь ее вздымается как ртуть
подмышкой у больного лихорадкой
она из жизни вычленила суть
и сделалась коварной психопаткой
попробуйте ее с пути свернуть
попробуйте вернуть ее обратно
туда где снег нам освещает путь
где сердце греют солнечные пятна.

«И на душе так сладко и приятно...»

И на душе так сладко и приятно
как у детей зарывших в землю клад
как у старух воркующих занятно
когда над ними сыплет звездопад
и так смешно от этого старухам
и так тревожно рано на заре
под ложечкой сосет болит за ухом
что тянется десница к кобуре
вот так всегда то в небесах то в яме
и я упал меня друзья несут
я верил в бога ездил к далай ламе
я вечной жизни истинный сосуд.

«Я вечной жизни истинный сосуд...»

Я вечной жизни истинный сосуд
паломник тусклый в долгом караване
я вспоминаю в сумрачной нирване
что мне пора идти на страшный суд
и я иду куда труба зовет
и дую сам ответно в рог воловий
не знаю фенотипов и сословий
а верю в кругосветный хоровод
вокруг ковчега чей каркас прогнил
а гордый остов превратился в глину
где та страна что выстрелит мне в спину
где тот народ что моцарта казнил.

«Где тот народ что моцарта казнил...»

Где тот народ что моцарта казнил
ковбой убит его убийца пойман
и приговор назначен и исполнен
в отсутствии бумаги и чернил
мамаша бейкер ты жрала детей
а сало их переводила в мыло
в эпоху звездолетных скоростей
твоя забава смотрится уныло
добро прекрасней дряни и дерьма
а умирать потерянною падлой
и поднимать бычок рукою дряблой
тебя научит мама-колыма.

«Тебя научит мама-колыма...»

Тебя научит мама-колыма
любить необходимую свободу
матросы дайте ходу пароходу
встречай волну соленая корма
на горизонте высятся дома
и звездно-полосаты реют флаги
здесь заключенных больше чем в гулаге
америка огромная тюрьма
там все сидят за первородный грех
и кроют бога бранными словами
пусть все за одного а он за всех
но он один огромнее над вами.

«Но он один огромнее над вами...»

Но он один огромнее над вами
веселый лицемер и лицедей
он забавляя ветреных людей
шумит в ночи сухими деревьями
и я полжизни слышу этот шум
и пью на брудершафт с поводырями
чудес премного скрыто за морями
но вожаденней всех рахат лукум
есть истина доступная одним
но для других в ней мысли не хватает
лед не горит корова не летает
ню-йорк обширней чем ерусалим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.